

Т.В.ДАНИЛОВА

РУССКИЙ ПОЭТ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ РОДИЛСЯ 3 ЯНВАРЯ 1936 ГОДА. В ВОЗРАСТЕ 35 ЛЕТ, В НОЧЬ НА 19 ЯНВАРЯ 1971 ГОДА, РУБЦОВ БЫЛ УБИТ, ПРОРОЧЕСКИ НАПИСАВ ЗА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ДО ЭТОГО: “Я УМРУ В КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ...”. РУБЦОВ ВОШЕЛ В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ, В ПОРУ РАСЦВЕТА СОВЕТСКОЙ ПСЕВДОПОЭЗИИ. ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ РУБЦОВА, КОРНЯМИ УХОДЯЩЕЕ В ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОГО РУССКОГО НАРОДА И ВПИТАВШЕЕ В СЕБЯ САМЫЕ ЧИСТЫЕ РОДНИКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ, ЯВЛЯЕТСЯ ВЕРШИНОЙ ВЕЛИКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, НАЧАЛОМ ГРЯДУЩЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ.

“Рубцов — поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией — непридуманной, органической. Полвека прошло в поиске, в изыске, в утверждении многих форм, а также — истин. Большинство из найденного за эти годы в русской поэзии позднее рассыпалось прахом, кое-что осело на ее дно интеллектуальном осадком, сделало стих гуще, эрудированнее, изящней. Время от времени в огромном хоре советской поэзии звучали голоса яркие, неповторимые. И все же — хотелось Рубцова. Требовалось. Кислородное голодание без его стихов — надвигалось...”¹

В современном литературоведении происходит становление сравнительно нового ее раздела — рубцovedения. Интерес к жизни и поэзии Рубцова постоянно возрастает: многочисленные диссертации, статьи, книги, переводы его стихотворений на иностранные языки.

Ушли в прошлое такие ограничительные оценки и определения поэзии Рубцова, как тихая или деревенская. С течением времени все отчетливее становится понимание ее места в русской поэзии и значеня для русской культуры в целом.

Заключительный раздел “Чем сердце успокоится?” большого историко-литературного труда “Победы и беды России” В. Кожинov посвящает творчеству Рубцова, которое, по его мнению, является развитием, продолжением великой русской классической литературы.

“Замечательное свойство поэзии Николая Рубцова — небывалая цель-

¹ Глеб Горбовский. Долгожданный поэт. Воспоминания о Николае Рубцове. Вологда. 1994, с. 137.

ность в восприятии классических традиций. Даже крупнейшие предшественники Рубцова в отечественной поэзии, Заболоцкий и Твардовский, исходили в своем творчестве прежде всего из одной определенной линии в классическом наследии. Для Заболоцкого решающее значение имела тютчевская традиция, для Твардовского — некрасовская”¹. В. Кожинов также отмечает, что продолжить великое наследие невозможно в рамках собственно “литературной” деятельности. “Он смог совершить это потому, что его поэзия ... исходила из тех самых духовных родников народного бытия, которые как раз и явились основой и почвой отечественной классики”².

Вопрос о значении поэзии Рубцова также выходит за литературные рамки и становится вопросом русской духовной жизни в целом.

И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа как лист звенит, перскликаясь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Перскликаюсь с теми, кто прошел,
Перскликаюсь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в всах произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдет через вса!

Рубцов обладал гениальной способностью ощущать стихию народной жизни, он глубоко проник в суть русского духа, показал в своем поэтическом творчестве главные непреходящие качества русского народного характера, присущие ему изначально, данные от Природы, которые он пронес через века и над которыми не властно время. Великий поэт органично отразил духовный мир русского человека, его мироощущение, его главные святыни, древних богов, всегда живущих в сердце народном. Рубцов показал, что издревле основой жизни русского человека является единство с Божественными Силами Природы.

Поэтический мир Рубцова проникнут любовью, светом и красотой, лишен какой-либо назидательности или нарочитости, задушевный, прекрасный и естественный, как сама Природа.

Образы рубцовской лирики настолько жизненны, выразительны и совершенны в художественном отношении, что приобретают статус самостоятельных духовных явлений, становятся бессмертными животворящими источниками.

В зрелом творчестве Николай Рубцов “предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас”³. Гармония звука, слова, строки, темы, сочетание формы и содержания становится абсолютной, совершенство — непостижимым.

¹ В. Кожинов. *Победы и беды России. М. 2000, с. 372-373.*

² Там же, с. 385-386.

³ Из письма Рубцова к А.Я. Яшину. *Николай Рубцов. Русский огонек. Вологда. 1994. с. 384.*

Лучшие качества народные волею природы сконцентрированы и явлены в личности самого человека и поэта Николая Рубцова.

Рубцовский могучий дух охватил всю Россию в ее историческом развитии, все ее величие и боль, ее "победы и беды", чутко уловил "волны и скалы"¹ народной жизни.

Как же осуществилось столь знаменательное для отечественной культурной жизни явление — Николай Рубцов?

Происхождение семьи Рубцовых — архангельско-вологодское. Русский Север. Один из крупнейших духовных центров земли русской, давший много примеров проявления русского народного гения, породил и вечно живую "Звезду полей" Николая Михайловича Рубцова.

"Николай Рубцов — абсолютное явление русской природы, Божественное ее проявление в Отчем Слове"².

Рожденный "от русских святых корней", наделенный тонким художественным вкусом, он счастливо миновал на своем творческом пути всевозможные "измы".

Поэт внимал лишь своему сердцу и голосу живой Природы и никогда ничего не сделал природе противоречащего, ни разу не сфальшивил, ибо, наверное, знал, что это могло обернуться потерей дара, что при этом могла оборваться какая-либо из нитей, связывающих его с мирозданием. Свою жизненную позицию Рубцов выразил в стихотворении "Душа": "Пусть всю жизнь душа меня ведет!", и шел всю жизнь по зову своей беспокойной души, несмотря ни на что, хотя и знал, что "Когда-нибудь ужасной будет ночь...".

Лишений и гонений поэту было отпущено с лихвой. Военное детство, ранняя смерть матери, беспризорство, детский дом. С четырнадцати лет — самостоятельная жизнь, без опеки и помощи родных. Преследования, зависть, ненависть братьев по перу, а также власть имущих.

Образно обрисовал судьбу Рубцова С. Викулов: "... как мог на такой скудной почве, на заглушем и невспаханном поле, да еще под затянувшееся ненастье вырасти и вызреть такой удивительный колос... Или уже талант и в самом деле — неумирающее семя, способное прорасти даже и под тяжелым камнем судьбы и, сдвинув его, пробиться на свет..."³.

Нет, Рубцов вырос в Великого Поэта не только "вопреки", но и "благодаря". Благодаря заботе государства о детях-сиротах, благодаря высокому уровню всеобщего образования, добросовестному труду учителей, их неформальному участию в судьбах детей, благодаря состраданию и посильной помощи детям со стороны, казалось бы, совсем посторонних

¹ "Волны и скалы" — так назывался машинописный сборник стихотворений Рубцова, изготовленный ленинградским любителем поэзии Борисом Тайгиным в июне 1962 г. Николай Михайлович пояснял это название так: "волны" — это волны жизни, "скалы" — это всевозможные жизненные препятствия. —Т.Д.

² Л. Котюков. Демоны и бесы Николая Рубцова. М., 1998. с.11.

³ С. Викулов. Николай Рубцов: время, наследие, судьба. Лит.-худ. альманах. СПб., 1994 г.

русских людей. Нет, не такой уж скудной, как оказалось, является почва, на которой вырос этот “колос” (так и хочется написать “колосс”!), ибо почвой этой является духовность русского народа, великая русская культура, многовековая и самобытная.

Несмотря на то, что всю жизнь поэта преследовали всевозможные “бесы и демоны”¹, устоял он, не допустил их в храм поэзии, остался “до конца, до тихого креста” движим добром и любовью.

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя....

Вот что поддерживало поэта, у которого не было ни крова над головой, ни постоянного дохода, влекомого по земле родной его беспокойной музой. Любовь к родине и ответный Русский огонек, тепло и участие друзей, а также простых порою малознакомых русских людей².

Поэт чувствовал глубинную духовную связь с Родиной, ощущал себя частичкой всего русского Рода. Он произошел из народа и жил в народе, а не изучал народ как нечто отвлеченное, в отличие от кабинетных литературных работников.

Жизнь народную Николай Михайлович имел возможность познать всесторонне³. Это значительно обогатило любопытного до всех проявлений жизни человека, которому “всегда до всех есть дело” (выражение Рубцова — Т.Д.).

Глубокое влияние на личность поэта оказали годы, проведенные в детском доме села Никольское Вологодской области⁴. Николай Михайлович ласково называл село Николой. “Здесь для души моей родина”, — писал он в 1964 году, сюда он часто и надолго приезжал, много и

¹ Товарищ поэта по Литературному институту Лев Котюков в книге “Демоны и бесы Николая Рубцова”, написанной образным и выразительным языком, “демонами и бесами” назвал трудности и препятствия на жизненном пути Рубцова, как объективные, так и субъективные. — Т.Д.

² В воспоминаниях о Рубцове отмечается, что поэт в самых разных ситуациях очень легко сходиллся с простыми людьми (не-литераторами), быстро находил с ними общий язык. А с литературной средой, за исключением нескольких близких ему людей, отношения складывались гораздо сложнее. — Т.Д.

³ Он жил в деревне и в городе, учился в двух техникумах и в школе рабочей молодежи, работал на тракторном флоте, на заводе, четыре года прослужил на боевом корабле Северного флота. Кем ему только не пришлось поработать: и поваром, и библиотекарем, и уборщиком, и кочегаром, и слесарем... — Т.Д.

⁴ Педагогов детского дома помнят его как смекалистого, любопытного мальчика, который и задачи хорошо решал, и сочинения по литературе писал так, что их зачитывали и в других классах, и стихотворения сочинял для стенгазеты. Был очень музыкален, сам выучился играть на гармошке, обладал врожденным изысканным художественным вкусом. — Т.Д.

плодотворно работал. “Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня все же докатились последние волны русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического...”, — так описывал он впечатления о сельской жизни, почерпнутые здесь.

Николай Михайлович ощутил “волны русской самобытности”, глубоко душевное волнение еще в юные годы. Сергей Багров вспоминает: “...осенней порой 1950 года учащийся первого курса Тотемского лесного техникума Коля Рубцов стоял на крыльце деревянного дома и, глядя на ропщущий в шепоте чутких черемух Кореповский ров, на резвых козлят во дворе, на скамейку под окнами и белеющую дорогу, по которой тащился гнедой, везя на телеге бочку с возницей, взволнованно говорил:

— Как много здесь русского! Как я люблю эту местность! Откуда все это? И для кого? Ты не знаешь?

— Не знаю, — ответил я.

— Значит, мне предстоит.

— Что предстоит?

Рубцов показал на двор, огород, улицу, ров и ропщущие деревья:

— Узнать: почему все это так сильно действует на меня...”¹.

Николаю в то время не было еще и пятнадцати лет. Какое сильное и раннее проявление чувства прекрасного, зова природного, зова крови русской!

Его поэтический талант также проснулся рано. С юных лет Николаю было удобней выражать мысли, а также и чувства в стихах².

Летом 1952 года Николай получает паспорт и уезжает из Тотьмы, оставляя техникум. Вплоть до осени 1955 года, когда призывают его на военную службу, будет он переезжать с места на место, меняя работу на учебу и обратно³. Внутреннее беспокойство, могучий зов, природа которого им пока еще не осознается, не позволяют ему подолгу задер-

¹ Воспоминания о Николае Рубцове. Вологда, 1994. с. 35.

² В 14 лет юный Рубцов влюбляется (безответно) в первокурсницу из педагогического училища Таню Агафонову, бывает у нее в гостях и читает Тане и ее подружкам стихи собственного сочинения. Стихотворения той поры не сохранились, за исключением, пожалуй, одного — “Букет”, которое присутствует во многих сборниках стихов поэта, но датируется не ранее 1962 года. А оно звучало уже в 1950-1951 гг.! Только тогда, по словам слушательниц, “в нем больше куплетов было”. По настроению “Букета” также ощущается, что это плод вдохновения совсем еще юного автора. — Т.Д.

³ Архангельск. Работа. Море, которым он грезил с детства. С 1953 г. — город Кировск Мурманской области, учеба в горном техникуме. По воспоминаниям соучеников, Рубцов часто пропускал занятия и пропадал в библиотеке. Изучал, как выяснилось, в числе прочего даже философию. Чтение для него было постоянной потребностью, со школьных лет. Этот техникум Николай также оставляет по одним данным — весной 1954 г., по другим — в январе 1955 г. Летом 1954 г. едет на вологодчину, бывает в Тотьме, совершает поездку в Ташкент...

В марте 1955 г. после многолетней разлуки разыскивает, обретает родственников, встречается с отцом и братом. Затем несколько месяцев проводит в Приютино под Ленинградом. — Т.Д.

живаться на одном месте. Стихи сочиняются уже постоянно, но записей тех лет нет. Есть только слушатели, которые об этом вспоминают: "... все старался свои стихи прочесть... поэму свою читал. В ней все с самого малого детства... Дружбу любил настоящую... верил в человека..."¹.

К сожалению, сохранилось очень мало "дофлотских" стихотворений Николая Рубцова, отчасти это вызвано постоянными разъездами. Стихи, если и записывались, то, как правило, терялись. Для нас же сейчас бесценна каждая строка поэта.

С осени 1955 г. — служба на Северном флоте. Начало собственно литературной деятельности, занятия в литературном объединении, первые публикации в армейской газете, большая подборка стихов в альманахе "Полярное сияние", №2.

"Мы жили литературой, жили поэзией — обостренно, взволнованно, захлеб, — вспоминает об этом времени флотский друг Рубцова Валентин Сафонов. Литобъединение, по его словам, было отличной школой. Стихотворения некоторых "простых матросов" были написаны на профессиональном уровне.

В эти годы происходит становление взглядов Николая Рубцова на поэзию. Некоторое представление о его размышлениях на сей счет можно получить из писем поэта к В. Сафонову: "...без чувства, вернее, без полноты чувства, стих скучен и вял, как день без солнца... в стихах должно быть "удесятеренное чувство жизни", как сказал Блок. Тогда они действительны...". Рубцов смолоду не любил ремесленников от поэзии: "... в большинстве стихов наших флотских, как ты их называешь, пиитов (да и не только наших) как раз недостает этого. Какие-то скучные, схематические стишки. Не стоит говорить о том, что они не будут жить: они рождаются мертвыми..."

Поэтическое чутье Рубцова настолько тонко, что, не имея собственного литературного (и даже законченного среднего) образования, он дает верную и глубокую оценку творчества Есенина: "Всегда поражаюсь необыкновенной силе его стихов. Многие поэты, когда берут не фальшивые ноты, способны вызвать резонанс соответствующей душевной струны у читателя. А он, Сергей Есенин, вызывает звучание целого оркестра чувств, музыка которого, очевидно, может сопровождать человека в течение всей его жизни...". Кроме того, Рубцов совершенно правильно подметил, что в поэзии Есенина присутствует "неудержимо буйный (в русском духе) ... образ жестокой тоски по степному раздолью, по свободе..."².

Растет и вызревает редкий поэтический талант. дух русский, вольный! Растет вне интеллектуальной элиты, вне столичной литературной среды, на краю русского поля.

¹ Н. Коняев. *Николай Рубцов: Вологодская трагедия*. М. 1998, с. 45.

² Письмо Рубцова к В.И. Сафонову от 2 февраля 1959 года.

Приехав после демобилизации осенью 1959 г. в Ленинград, Николай Михайлович устраивается работать на Кировский завод, не оставив поэзию, которая перерастает в главное дело его жизни.

О большой внутренней работе, происходившей в нем в ту пору, свидетельствует стихотворение “На кладбище”, датированное 1960 г.

Неужели одна уста
Был мятеж героических сил,
И забывшись рухнул лета
На сиротских звезды могил?

И далее, в этом же стихотворении:

Что же делать, — себе говорю, —
Чтоб над родиной жидкий рассвет
Стал похож на большую зарю?

Это даже не стихотворение, а черновой набросок, этюд, срифмованные мысли, в нем нет рубцовской магии совершенства, но здесь ясно выражена боль за Родину, за унижение своего народа. Вот она — боль русская, неизбывная! Боль эта не оставляла поэта до конца дней его...

Поэт задал себе вопрос “Что делать?” И хотя он не поставил задачу прямо в таком виде: необходима реставрация Русского Духа, но всю жизнь решал именно ее.

60-е годы. Гремят поэты-эстрадники, поверхностное мелководье. Отдельные живые и чистые, но слабые, голоса за этим громом почти не слышны. Основная тема литературы — прославление трудовой героики. Чуждая всему русскому инородная литературная и окололитературная среда, бдительные идеологи, недремлющие ревнители соцреализма.

Как так получилось, что не доработали эти ревнители и не помешали становлению Великого Поэта?

К тому времени, казалось, все забыли, что есть истинная Поэзия, принимая за нее бодрые шумные потоки срифмованной пустоты. Наверное, поэтому Рубцова поначалу не заметили, хотя и было на что обратить внимание ленинградским “блюстителем порядка” на литературном поле, было на что! Но — проглядели Рубцова. “Проглядели, черт возьми! А может, сбило с толку то, что Рубцов, не в пример злобно тунеядствующему Бродскому, работал...”¹. Пребывая в числе поэтов рабочей среды, он тем самым невольно “отвел глаза” от себя.

Совмещая тяжелую физическую работу и учебу в школе рабочей молодежи, Рубцов смог все же в относительно спокойной и доброжелательной обстановке заниматься поэзией² и стать к моменту поступления в Литературный институт вполне сложившимся поэтом.

К этому времени “на ветках дорожных раздумий” уже вызрело, сфор-

¹ Л. Котюков. *Демоны и бесы Николая Рубцова*. М., 1998. с.85.

² По воспоминаниям бывшего работника Кировского завода А. Николаева, Рубцов сочинял стихи и во время работы, и по ночам, иногда часами бился над одним словом. Николай Рубцов: время, наследие, судьба. Лит.-худ. альманах. С.-Пб. 1994 г. с.50.

мировалось его мировоззрение, развились его взгляды на поэзию. И невозможно было заключить его в железные идеологические рамки, управлять его творчеством, использовать его поэтический дар.

Воплотилась в Слово его боль и любовь, и все воспринял как свое, в собственном сердце родившееся, — **“Россия, Русь! Храни себя, храни!”**. Проявилась его гениальная способность всем своим существом ощущать дух времени не только настоящего. Поэт увидел и “картины древнего раздора”, и невиданный постперестроечный разбой, до которого было еще более двадцати лет, — “лес крестов в окрестностях России”... И затем — как гимн всепобеждающей жизни! — “бессмертных звезд Руси, спокойных звезд безбрежное мерцанье...”.

Да, к осени 1962 года¹ уже написаны **“Видения на холме”**, **“Родная деревня”**, **“Добрый Филя”**, **“Березы”**, **“Сергей Есенин”**²...

Свершилось, свершилось уже к моменту появления Николая Рубцова в Москве не для всех желательное рождение Великого Русского Поэта!

Что ждал Николай Рубцов от Литинститута? Не только изучения основ стихосложения и других специальных дисциплин, но и серьезных разговоров о Родине, о поэзии, о назначении поэта. Его талант не мог не проявиться, и вскоре Рубцов был признан как поэт редкий и истинный³. Однако — не тот был уровень преподавания, а прежде всего — не тот уровень духовной жизни в столице. Тесно и душно оказалось поэту в рамках благочинной советской литературы, не вписывался он в эти рамки, так же как и в московскую литературную среду. Протестовал против жесткости и бездуховности поэт:

Возможно, я для вас в гробу мерцаю,
Но заявляю вам в концe концов:
Я, Николай Михайлович Рубцов,
Возможность трезвой жизни отрицаю.

Поэзия Николая Рубцова нашла понимание и поддержку в кружке

¹ 1962 год внес много изменений и в личную жизнь поэта. В июле Николай Михайлович после одиннадцатилетней разлуки побывал в Никольском, заново познакомился с Генриеттой Михайловной Меньшиковой, заново — потому что они были знакомы еще в детстве. В августе успешно сдал экзамены в Литинститут. В сентябре умер отец поэта, Михаил Андриянович. 23 апреля 1963 года в Никольском родилась дочь Лена. — Т.Д.

² Не случайно все-таки С. Куняев, прочитав впервые стихи Рубцова, напишет: “Словно бы струя свежего воздуха и живой воды ворвалась в душный редакционный кабинет...”. Произошло это в августе 1962 г., когда Николай Михайлович сдавал экзамены в Литинститут. Так почему же Куняев, будучи заведующим отделом поэзии в журнале “Знамя”, не опубликовал Рубцова тотчас же, раз уж на него свежим ветром повеяло? Или повеяло значительно позже? — Т.Д.

³ Руководитель творческого семинара Н. Сидоренко, в котором занимается Н. Рубцов, хотя и не сразу, но все же обратил особое внимание на его поэтический дар. 5 июля 1963 г., характеризую Рубцова, записал: “Стихи его наполнены жизнью, в них свет и тени, радость и горечь. Они человечны, правдивы, выразительны... Рубцов — поэт по самой своей сути”. Запись от 14 мая 1964 года: “Если вы спросите меня: на кого больше всего надежд, — я отвечу: на Рубцова. Он — художник по организации его натуры, поэт по призванию”. — Т.Д.

московских поэтов, к которому принадлежали Анатолий Передерев, Станислав Куняев, Владимир Соколов и др. По мнению В. Кожина, данное обстоятельство сыграло определяющую роль в становлении поэта. Но мне кажется, Вадим Валерианович, освещая творческий путь Рубцова, несколько преувеличивает влияние на него этого кружка. Влияние, несомненно, было, но такое ли уж существенное? Была ли реальной опасность “перехода” Рубцова в стан поэтов-эстрадников?¹

Да и имела ли место настоящая дружба с “кружковцами”? Они часто приходили в общежитие, задерживаясь в гостях на несколько дней. Но никто из них не приглашал Рубцова к себе домой, не желали они допускать бездомного беспокойного поэта в свою благополучную жизнь. Впрочем, и в арбатскую квартиру Кожинных, как известно, Рубцова не пустили из-за того, что выглядел поэт не “по-арбатски”.

В. Кожин в качестве положительного примера работы упомянутого кружка приводит критику Анатолия Передерева на одно “несколько затянутае” стихотворение Николая Рубцова, где поэт обвинялся “чуть ли не в графоманском многословии”. И добавляет: “И. надо думать, именно потому Николай Рубцов в дальнейшем не писал таких стихотворений”². А не об этом ли самом событии вспоминает и Лев Котюков, освещая его по-иному? “К сожалению, Анатолий Передерев ... не только помогал Рубцову, но и, увы! завидовал. Он одним из первых в печати откликнулся на “Звезду полей”, но и он же незаслуженно вчистую раскритиковал гениальные белые стихи Рубцова “Осенние этюды”... Так дал по рукам товарищу, что тот, к сожалению, поверил критике и больше не работал в этом ключе”³.

“Осенние этюды” — это отзвук безграничной стихии жизни русской. Строка “и вся она как огненная буря” порождает яркие образы бурь, пролетевших над Русью: хазары, татары, шведы, немцы... После шемящего “И листья долго валяются с ветвей, вокруг ствола лужайку устилала...” хочется плакать о страданиях и крови русской вместе с “девочкой-малюткой”, пролетая через века и эпохи на рубцовских качелях⁴. Невольно вступает в душу тревога о сегодняшних потрясениях, внешне не столь бурных, но еще более опасных, более смертельных, подобных не видимому глазом радиоактивному облучению. Наконец, обдает радостью и теплом вечная “звезда труда, поэзии, покоя”... Скольких подобных шедевров лишилась русская литература!

¹ Да, Рубцов имел опыт успешных публичных выступлений в Ленинграде. И ничего удивительного в этом нет. Став уже и известным, после выхода своих книг, Николай Михайлович многократно выступал на поэтических вечерах и всегда тепло встречался слушателями.

В успехе ли публичных выступлений суть “эстрадничества”? — Т.Д.

² В. Кожин. *Победы и беды Рубцова*. М., 2000. с. 378.

³ Л. Котюков. *Демоны и бесы Николая Рубцова*. М., 1998. с.58.

⁴ Образ качелей Рубцова, пролетающих через века, почерпнут мною из повести А. Романова “Искры памяти”. — Т.Д.

Ах, если б только от несправедливой критики товарищей пришлось страдать Рубцову в стенах Литературного института! Но не только бесы “зависти” его донимали.

Многочисленные мелкие провинности, которые другим студентам сходили с рук, Рубцову вменялись в тяжкую вину. Его жестоко унижали, снимали со стипендии, зная, что других средств к жизни у него не было. В конце концов Рубцов был отчислен с очного отделения, затем восстановлен на заочное. Он лишался временной московской прописки и права проживания в общежитии за исключением экзаменационных сессий. Другой прописки и места проживания у него, в отличие от остальных студентов института, не было. Знали, что делали! Его попросту выдворяли из Москвы, “отрубали от русской культуры”¹. Это случилось в 1964 году.

Но “отрубить” от русской культуры его было уже невозможно, ибо русской культуре он был как раз совершенно необходим. Не нужен он был тем, кто изгонял из советской литературы все русское.

В этом же году Рубцов публикуется в “Юности” и “Октябре”.

Лето и осень 1964 года, один из самых плодотворных периодов своей жизни, Николай Михайлович проводит в Никольском. Своими душевными переживаниями он делится с А. Яшиным: “Здесь за полтора месяца написал около сорока стихотворений”, “...здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле”, “Самая ненастная погода никогда не портит мне здесь настроение. Наоборот, она мне особенно нравится, я слушаю ее как могучую печальную музыку...”. Даже в письмах рубцовских — и музыка, и поэзия!

После столичных публикаций, вызвавших немалое удивление в Вологодской писательской организации (некий Рубцов из Тотмы печатается в Москве, а они о нем и слухом не слыхивали!), Николая Михайловича приглашают в Вологду, на литературный семинар, после чего он входит в местные литературные круги. Начинается вологодский период в жизни поэта.

“Вологда — земля для меня священная...” — пишет он в письме к Глебу Горбовскому. Но собственного угла и в этой священной земле еще долго у Рубцова, первого поэта России, не будет!

Жизнь между Nikolay, Вологдой и Москвой. Поездки на Алтай, на Нижегородщину², в Рязань, на родину Сергея Есенина.

Никаких условий для творческой работы — ни жилья, ни денег. Бытовая неустроенность, плохое питание, пошатнувшееся здоровье. Сложные семейные обстоятельства, тоска по дому, по дочери. Но при всем этом — напряженнейшая и плодотворная работа, шедевр за шедевром.

¹ Л. Котюков. *Демоны и бесы Николая Рубцова*. М., 1998. с.89.

² Чтут память Николая Рубцова на Нижегородщине. С 1993 года в г. Дзержинске Нижегородской области работает филиал Вологодского рубцовского центра. В 1994 году, в честь 25-летия со времени посещения Николаем Михайловичем этих мест, издан “Нижегородский венок Рубцову”. — Ред.

Выходят книги: “Лирика” (1965 г.), “Звезда полей” (1967 г.), “Душа хранит” (1969 г.).

Прием в “Союз писателей”, окончание института.

Наконец, в начале июня 1969 года — однокомнатная квартира в Вологде. Реальная возможность восстановления семьи, обретения нормальных условий для работы, конец бытовой неустроенности.

Рубцов теперь по-настоящему “опасен”.

Поэт не только достиг творческой зрелости, но и имеет значительный вес и беспредельное влияние на пишущих. Многие из них ощутили “очарование смелое”, исходящее от личности Николая Рубцова, от его творчества, как будто снял он с их духа многовековой налет.

С новой силой завертелись и закружились вокруг него приятели-почитатели, и все с выпивкой. “Они приходили к Рубцову почти каждый вечер с бутылкой водки или вина. Казалось, кто-то негласно руководил, давая вешую установку: спойте поэта и этим добить у него здоровье, вышибить память из головы, дабы стал ... хорошо управляемым и послушным”¹. Не давать ему покоя! Не давать возможности полноценно работать! Очень точно подметил Котюков: “чем больше шедевров создавал Рубцов, тем неукротимее становился напор **черных сил**” (выделено ред.).

Да и многочисленные друзья часто злоупотребляли его гостеприимством, не ценили его времени, его таланта. И вынужден был он зачастую никого не впускать в квартиру, отвечая коротко через дверь “Нельзя!”, или даже обрывать звонок.

В 1970 году выходит четвертая книга поэта “Сосен шум”. Рубцов готовит к изданию “Зеленые цветы”, но выйдет она уже после его гибели.

Поэт жил напряженной внутренней жизнью, неутомимая работа ума и сердца никогда в нем не прекращалась. Не все это замечали, принимая внешний облик его за подлинного Рубцова. Тот же, кто видел его истинное лицо и ощущал глубину его духовности, тот любил Рубцова безмерно и раннюю нелепую гибель поэта воспринял с болью и негодованием.

Многие и многие не поверили в бытовое убийство. “Мотивы — светомаскировка, сказки для наивных и легковверных. **Убивали талант, душу русскую убивали**”² (выделено ред.). Со временем это становится все очевиднее.

Чудовищное злодеяние совершено руками Людмилы Дербиной, женщины, с которой Рубцов собирался связать свою дальнейшую судьбу. Горько сознавать, что не рассмотрел в ней поэт “женщину чужую” и допустил ее в свою жизнь.

¹ С. Багров. *За Вологдой, во мгле. Воспоминания о Николае Рубцове. Вологда. 1994. с. 49.*

² В. Сафонов. *Николай Рубцов. Повесть памяти. Там же, с. 134.*

Как же появилась эта женщина? Дербина оказалась в общежитии Литинститута весной 1963 года. Случайно ли она постучалась в комнату, где в это время находился Рубцов? Случайно ли спустя 2-3 недели после получения Николаем Михайловичем квартиры она приехала в Вологду и явилась к нему под видом почитательницы?

В конце декабря 1970 года они расстались, Рубцов полагал — навсегда, и на Новый год ждал жену Генриетту Михайловну с Леной. Случайно ли, наконец, Дербина явилась вновь 5 января 1971 года, после того, как не смогли приехать из Никольского жена с дочкой? Очевидно, нет.

Рисуя облик Дербиной, нельзя не упомянуть о том, как на собрании Вологодской писательской организации проходило обсуждение книги ее стихов “Сиверко”, вышедшей в 1969 году в Воронеже, где она жила и работала до переезда в Вологду. Слушателей смущала “безудержность их дьявольской страсти”, ее стихи сравнивали “с бабьей перепалкой”, с “медвежьим рычанием”. Рубцов резко выступил против физиологизмов в ее поэзии, сказав, что женщина не должна так писать.

“Рубцова надо было любить, знать особенности характера, здоровья, а эта женщина со своей извращенной натурой искала для себя выгоду, славу и забаву”¹. Она превратила в ад последние месяцы жизни поэта, постоянно провоцируя ревность, ссоры, пьяные скандалы. Описывая в своих воспоминаниях осень 1970 года, М. Корякина, пишет: “... до последней осени ... даже мимолетные, неожиданные встречи (с Рубцовым — Т.Д.) были всегда радостными, веселыми, и я не могла допустить мысли, что наступит время, когда я буду избегать их, потому что будет невыносимо видеть бредущего Колю, мрачного, озлобленного”, “смутные за Колю тревоги и переживания делались уже постоянными, может, еще и оттого, что выглядел он часто усталым безмерно, будто очень пожилой и очень больной человек”. По свидетельствам соседей, данных на суде, с переездом к нему подсудимой стали нередкостью шумные скандалы. На многих друзей поэта Дербина производила впечатление крайне неприятное, в результате чего произошло некоторое отчуждение Николая Михайловича от дружественного окружения.

Умница Рубцов ощущал, что “злой настаигающий ропот” вот-вот его настигнет, о чем мы можем прочесть в письме к Дербиной, обнаруженном после убийства в его квартире: “... неужели тебе хочется, чтоб я страдал и мучился (выделено здесь и далее Т.Д.) еще больше и невыносимее. Мне кажется, нас связала непонятная сила, и она руководит нашими отношениями, не давая, не оставляя никакой самостоятельности нам самим. Не знаю, как ты, а я в последнее время остро это ощущаю... За нас часто думают и решают значительно резвее и тоньше, и нас устраивает это, потому что избавляет от обременительной необходимости думать самим. У тебя непростой и дале-

¹ В. Коротяев. *Козырная дама. Вологда. 1991. с. 151.*

ко не ангельский характер, а вспыльчивость и необузданность часто ошеломляют даже меня, которому пришлось повидать всякого: а возбудить к действию таких порывистых и деятельных женских натур очень нетрудно. К тому же тебе постоянно кажется, что ты в чем-то обойдена, тебе не додано по заслугам, и незамедлительно восстанавлишь против мнимых несправедливостей. Следует быть осмотрительней: пришла пора, настала..."¹.

Можно ли было вернее и лаконичнее выразить суть происходившего! Он, жалея ее, желал помочь ей осознать и определиться, стремился предостеречь от греха смертного. Больно видеть, что он, так не любивший жаловаться, вынужден взывать к ее милосердию, сетуя на свои *невыносимые мучения*. Нет смысла гадать, почему письмо осталось незаконченным и неотправленным. Возможно, Рубцов чувствовал, что этого "черного лебедя" невозможно сделать белым.

В конце 1970 года Николай Михайлович неоднократно призывал Генриетту Михайловну приехать к нему. Осенью 1970 года они встретились в Тотьме и Рубцов спрашивал, когда они с Леной приедут к нему. (Не спрашивал, приедут ли, а вопрос стоял именно так: когда?). Другую его попытку восстановить семью описывает сестра Генриетты Михайловны: «...Вспоминали его, как в прошлом (1970 — Т.Д.) году на пятое декабря был здесь в командировке и целую неделю жил у нас. Он все просил, чтоб мы уговорили Гету переехать к нему, словно чувствовал, что это могло бы его спасти.»

О том же самом говорит поэт в стихотворении "Расплата", которое начинается словами "Я забыл, что такое любовь...". Наверное, отношения между ним и Дербиной были намного сложнее, и их нельзя было определить одним этим словом.

Продолжим чтение письма: "Но уговоры остались только уговорами. Если бы она приехала к нему с Леной во время зимних каникул — горя могло бы не получиться..."².

А получилось — остался один. И жена не приехала, и друзья самоустранились.

И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отравы
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.

Однако, как участие друзей, так и восстановление семьи не смогли бы спасти Рубцова от расправы, ибо против организованного зла необходима и организованная защита, а вот таковой, именно организованной, защиты не могло быть в принципе, так как сам факт зла организованного не признавался, хотя опасность, витавшая над поэтом, его друзьями ощущалась. А уж о том, чтоб от него эти силы бесовские отступились, оставили в покое, дали возможность нормально жить и

¹ В. Коротаяев. *Козырная дама. Вологда. 1991, с. 135.*

² Там же, с. 141.

творить, мечтать не приходится, ибо он для них так же опасен, как солнечный луч для нечистой силы.

Конечно, восстановление семьи отодвинуло бы трагическую развязку на неопределенный срок. Кроме того, Поэт, никогда не знавший семейного тепла и домашнего уюта, мог обрести эти радости бытия хотя бы на некоторое время, что благотворно сказалось бы на его здоровье и, несомненно, дало бы новый импульс его творческой энергии!

Сколько мог бы еще сотворить во имя Руси великий певец ее! Сколько любви, добра и света мог бы привнести он в русскую жизнь! В какие глубины истории мог бы проникнуть он ясновидящим оком своим! На какие высоты духа мог бы еще подняться! В теперешнее тяжелейшее для Руси и русичей время какой бы подмогой стало то вещее рубцовское слово, которое он не успел сказать, не успел записать и унес с собой, унес в вечность.

Его непрестанная работа над собой, постоянное самообразование, духовная и творческая зрелость не могли не принести богатые плоды. Начинался новый этап его творчества¹.

А она, убийца поэта, всю свою оставшуюся жизнь посвятила мифотворчеству со знаком плюс по отношению к себе, и мифотворчеству со знаком минус — по отношению к убитому ею великому и светлому человеку. Составила некие записки, известные как воспоминания, на которые опираются многие из исследователей при описании последнего года жизни Рубцова. Но можно ли доверять этим запискам, этично ли это? Можно ли доверять ей, уличенной в “неискренности”² при освещении вполне конкретных событий? Однозначно: нет, нельзя!

Неэтично, в качестве легенды о жизни Рубцова рассказывать о том, как одна из почитательниц приходит к нему домой с тем, чтоб отдать поклон, но великий поэт сам оказывается у ее ног... Это фрагмент из записок Дербиной, момент ее приезда в Вологду. Она — его почитательница? А как же трактовать ее заявление — “По сравнению со мной Рубцов был в поэзии мальчишкой!”³ Да, он по сравнению с ней — мальчишка, в лучшем смысле этого слова, мальчишка с возвышенной чистой душой, она же — старуха злая, с душою темной (темная душа — ее собственное признание в одном из стихотворений — Т.Д.).

Теперь Людмила Дербина — пожилая больная женщина, грешно, казалось бы, ее и беспокоить, но до сих пор не унялся дух ее, одержимый бесом разрушения⁴.

¹ По многочисленным свидетельствам его близких, Рубцов был полон творческих планов и новых замыслов. В частности, он намеревался написать поэму про Александра Невского, которого наделил эпитетом “светозарный”. — Т.Д.

² А. Романов. Искры памяти. Воспоминания о Николае Рубцове. Вологда. 1994, с. 381.

³ Н. Коняев. Ангел Родины. В кн. Николай Рубцов. Ростов-на-Дону. 1998. с.350.

⁴ Этот дух явлен ею же в стихах, где, например, “крепко сию схвачена цепками когтями звезд”, “...покой лесного омута разорю”. Ей мечтается, что ее “поэзии дремучие лапы заграбастают села и города”. — Ред.

Какая сила влечет ее на рубцовские памятные места, что заставляет ее и теперь чернить и чернить светлый облик его даже в мимолетных случайно возникающих разговорах при встрече с поклонниками поэта? **Пора бы уже понять, что ее использовали, что роль эта — одноразовая, уже давно сыгранная, и ее сомнительные страдания теперь никому не интересны.**

“О Русь! ... Не надо слушать злых старух!”, — сказал поэт. А мы слушаем, не внимая его голосу. И слушаем не только их, а внимаем еще и всяким чуждым идеологиям и теориям, с этих позиций читаем Рубцова и доходим порой до абсурда.

Николай Рубцов не был приверженцем какой-то сиюминутной, спекулятивной теории, а также не был выразителем идеологии, господствовавшей в какую-либо историческую эпоху России.

Для Рубцова характерна цельность в восприятии истории Отечества, истории духовной жизни русского народа. Для него было невозможным, неестественным “вычеркнуть” из истории Руси какую-либо эпоху, что не раз уже осуществлялось идеологами. Для поэта прекрасным, полным очарования было все прошлое, а тем более прошлое древнее. Поэтому нельзя назвать его ни язычником, ни православным, он есть и то, и другое, как всякий истинно русский, русский как по крови, так и по духу. Именно поэтому и находит и всегда будет находить его поэзия отклик в сердцах людей.

Рубцов, не упоминая в стихах языческих образов — Сварога, Перуна и др. — был язычником, не восхваляя Христа или Ленина, ценил достижения русского народа в эпоху православия и в постреволюционное время. Он воспевал русские святыни, древнейшие и вечные: Природу, Отечество, Волю.

Отчизна и воля — останься, мос божество!
Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях всенчас обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

“Люд-то русский волюшку любит... Отними-ка волю — и нету Русской земли. Воля — изначальный Бог на Руси”¹. Главным образом против этого русского Бога и направлены стрелы “крестителей” всех времен.

Поэзия Рубцова насыщена природными образами: например, солнце, земля, гроза, ветер, т.е. ассоциативно в его стихах всплывают образы языческие: Ярило, Макошь, Перун, Стрибог, — имена, немилосердно вытесненные из повседного русского языка чуждыми Русскому Духу идеологами. Но: из языка вытеснены названия, а сами языческие образы как духовные явления живы в душе народной. Рубцов присущим ему тонким чутьем уловил, “поймал” их, облек в совершенную поэтичес-

¹ С. Алексеев. Слово. М., 1999, с. 55.

кую форму, превратил в явления яркие и непреходящие, тем самым дал им второе рождение!

Николай Рубцов осуществил духовную связь времен, соединил искусственно разорванную духовную жизнь русского народа в единое целое.

К сожалению, подобной широтой взглядов и глубиной понимания истории обладают не все исследователи жизни поэта. В связи с этим следует упомянуть размышления В.К. Федосова о русской “интеллигенции”¹, зашоренной либеральным влиянием, где, со ссылкой на Е. Науклеушева, говорится о некоем “роковом ограничении” — “еврействе духа, довлеющем над русским интеллигентом”. Слишком часто при изучении “рубцовианы” ощущаются следы этого “ограничения”, суть которого — духовное пребывание в рамках так называемой библейской цивилизации. Вот оно — отсутствие собственного духовного стержня, отрыв от народной жизни, и как следствие — отрицание древнейшей истории и культуры Руси, вульгаризация языка и т.п.

Именно это ограничение не позволяет многим понять, что Русский Народ пронес через тысячу лет, пусть и адаптированные, но свои древние обряды и традиции языческих предков, сохранив свою генетическую память, свой духовный стержень. “Русскому люду какую хочешь веру дай, хоть в воду его макай, хоть плоть обрежь — все одно он своему Богу будет молиться, тому, что в сердце его. Тем и непохожи мы на другие народы, а потому и вера чужая в сердце не отзовется”².

Примеров проявления “еврейства духа” в современной литературе предостаточно, много их и в литературе о Рубцове, почти у всех авторов³.

Однако выглядит стремление представить Николая Рубцова только православным. Подобные линии есть в исследованиях В. Белкова и Н. Коняева. Упомянутые авторы, по-видимому, полагают, что, выводя поэта за рамки социалистической идеологии, уже максимально воздают ему, но не замечают, что тут же вставляют его в рамки другие, хотя и более широкие, но все же в рамки. Ибо сами в них пребывают. Значит, не всё услышали, не до конца прозрели, хотя “очарование смелое”, исходящее от поэзии Рубцова их, очевидно, коснулось, а труд их по собиранию материалов о жизни поэта бесценен и не может не вызывать чувства благодарности и уважения.

Возможно, в каком-то из исследований Рубцов будет представлен исключительно язычником.

У В. Белкова неоднократно встречаются попытки связывания философской глубины поэзии Рубцова с библейскими мотивами. Конечно

¹ Федосов В.К. “Русский лад и “общечеловеческое” наваждение”, “Родные просторы”, №4(44)-1999, с. 5.

² С. Алексеев. Слово. М., 1999, с. 54-55.

³ Довлеет данное ограничение и над блестящим литературоведом и критиком В. Кожинным. А в меньшей степени, удивительное дело! — над православным Львом Котюковым. — Т.Д.

же, глубина поэзии Рубцова не может быть “измерена”, исчерпана только с этих позиций, ибо его глубина — это глубина жизни, а жизнь глубока и полнее любой теории.

Единство с Божественной Природой — основа поэзии Николая Рубцова, основа жизни поэта. Он жил в Природе, она — в нем. Все во всем. Вот Божественная суть жизни наших предков. Единство с Природой — это не только проживание на природе, скажем, в сельской местности, это и следование ее Законам (законам Рода, Сварога), что предполагает их Знание, (то ли утраченное в связи с принятием христианства на Руси, то ли так и не успевшее стать законом жизни наших предков?). Гениальному Рубцову было дано понимание души и языка Природы, души мироздания.

Если и бывал он в повседневной жизни, которая ставила перед поэтом сложнейшие и не разрешимые силами отдельно взятого человека проблемы, раздражительным или колючим, то на природе совершенно преображался, не просто отдыхал, весь высветлялся, сливался с окружающим миром, душе его “сходило УСПОКОЕНИЕ”.

* * *

В Вологодском архиве в рубцовском фонде среди других материалов и документов хранится листок, на котором рукой самого Рубцова написаны (и пронумерованы) названия тридцати девяти стихотворений с общим заголовком “Успокоение”. По-видимому, это проект несостоявшегося сборника стихов.

Сегодня, когда жизнь поэта в некоторой степени изучена, не приходится удивляться, что он так и не смог выпустить ни одной своей книги в желаемом виде. По всем его прижизненным изданиям прошлась рука редакторов, которые по своему усмотрению подбирали и расставляли стихи. Отдавая дань уважения Великому Поэту России, мы считаем своим долгом издать сборник стихотворений Николая Рубцова в задуманном поэтом виде.

Необходимо отметить, что названия стихов, начертанные на листке Рубцовым, и названия этих же стихов в известных изданных сборниках — не всегда совпадают. Например, “Светлый покой” — “На озере” или “Пасха” — “Промчалась твоя пора” и др. В данном издании приводятся оба варианта.

Первым обратил внимание на этот оригинальный рубцовский автограф и интерпретировал его именно как план сборника Николай Коняев. Выражая свое неподдельное восхищение “Успокоением”, расположением в нем стихотворений, он отмечает, что “... ни одно не заслоняет, не перебивает другого. Каждое сияет во всей изначальной красоте, но вместе с тем улавливая сияние других и сообщая свое сияние другим”¹.

¹ Н. Коняев. *Ангел Родины*. с. 304.

Но... на этом и заканчивается сходство наших с Н. Коняевым позиций, за исключением некоторых несущественных моментов.

Приведенный им анализ данного стихотворного сборника напоминает фантазии на заданную тему. Поражает неестественное, воинствующее стремление “оправославить” Рубцова, полностью исключить из его поэзии отзвуки древнейших традиций. Читаем: “Вся система образов в поэзии Рубцова ориентирована на православие и вне его не осуществима...”. Можно было бы и не подвергать данное утверждение критике, если бы при этом исконная народная вера не противопоставлялась православию и не подвергалась столь ярким нападкам со стороны автора. Подобные резкие выпады в адрес язычества были характерным явлением в пору раннего христианства, но к концу двадцатого века мнение, что русское народное православие — это во многом адаптированное язычество, не является достоянием только узкого круга специалистов. Жаль, что автор еще не вник в существо данного вопроса и не делает различия между русским народным православием и христианством.

Спорным вышеприведенное утверждение Коняева является не только в целом, но и в своей первой части (“вся система образов...”). Беспристрастный анализ системы образов рубцовой поэзии показал, во-первых, многократное количественное преобладание “языческих” образов над “православными”, во-вторых, существенное превосходство первых над вторыми по яркости и выразительности.

Наконец, конкретные народные языческие образы такие, как “ведьмы”, у Н. Коняева однозначно ассоциируются с нечистой силой. Эти и другие аналогичные ассоциации он пытается распространить и на весь поэтический мир Рубцова.

Предоставим слово самому поэту. В стихотворении “В лесу” он с сожалением говорит: “А чем утешены, что лес покинули все черти, лешие и все кикиморы?..”. Где же тут нечистая сила? Исключительно с любовью поэт обращается к древнейшей мифологии своего народа. Того же желаю и всем исследователям Поэзии Николая Рубцова, как настоящим, так и будущим.

Н. Коняев продолжает: “Если и вызывал Рубцов темные силы, то делал это неосознанно, по неосторожности проваливаясь в языческие подземелья воздвигнутого в русском языке православного храма. Разбуженные неосторожным словом темные силы действительно являлись, но объектом их внимания и воздействия становился сам поэт”¹.

¹ Н. Коняев. Ангел Родины. с. 306.

Расуждения, о том, что Рубцов якобы вызывал темные силы и даже смерть, встречаются также у В. Белкова: “Он часто думал о смерти, говорил о ней в стихах и с друзьями. Все больше и больше накапливалась сакральная, судьбоносная энергия этих стихов. И, наконец, такая нависла тяжесть, что слова не могли не воплотиться...” (Жизнь Рубцова. Вологда. 1994, с. 94). Еще один специалист по причинно-следственным связям!

Мы уже пришли к выводу, что эти силы вовсе не темные. Это во-первых. Во-вторых, как можно сказать про гениального поэта — “вызывал темные силы”! В-третьих, в стихотворениях Рубцова отсутствуют слова случайные. Он всегда знал, что писал! И наконец. Не берусь судить о том, что в данном случае является причиной, а что следствием: то ли поэт обладает даром ясновидения и предрекает то или иное явление или событие, то ли наоборот — высказав Слово живое, талантливое, “вызывает” явление к жизни? Но сам Рубцов в разговорах о поэзии и поэтах высказывался на сей счет однозначно. Поэт является пророком, причем даже самый слабый поэт, хотя бы в одном из стихотворений, когда он совершенно искренен.

Рубцов не вызывал темные силы, не искал и не призывал смерть, даже невольно, любил жизнь и хотел жить!

Агрессивный негатив Коняева, доходящий до ненависти, направленный против язычества, против души собственного народа, сначала ошеломляет, а потом приходит понимание, что это показатель слабости позиции автора. Будем же и мы, как Николай Рубцов, снисходительны к слабостям других!

Успокоение — это достижение единства и гармонии с Природой, с мирозданием (с космосом, как сейчас говорят), это счастливые моменты, когда человеком овладевает ощущение **цельности и полноты жизни!** При этом отступает и боль душевная, и тревоги сиюминутные пропадают, наполняется душа человека силой и красотой, взлетает дух человеческий вольный соколом.

“Переберем” некоторые из стихотворений сборника, как некие трепещущие огоньки, ибо о каждом из них можно писать очень и очень много. Но надо ли это? Не больше ли мы получим, читая и перечитывая эти стихи, каждое из которых — шедевр русской лирики?

Первое из них, как предисловие к книге, задает тон всему сборнику, ибо успокоение невозможно без ощущения полноты жизни, которое есть и возможность “уединившись за оконцем, с головой уйти в труды”, и гармония природных стихий — солнечное тепло и свет, влага прудов и журчание воды¹, дыхание ветра, ромашки (земля). Вследствие этого слетает душевная усталость, накапливающаяся вне живой природы. Былые годы, как слетающие белые лебеди, чудесны, светлы и легки.

Природная стихия, разбушевавшись, является бедствием для всего живого, от воздействия которого никому, в том числе даже вещей старухе, не уйти. Солнце может и жарить! Тогда вся живая природа страдает, и только люди, когда они вместе, когда они сильны, могут это вынести. А может, не понимают языка стихии, не внемлют предупреждению и продолжают являть свою “власть” над ней, строя и корежа?

¹ В рубцовском поэтическом мире встречается несколько “водных” символов полноты жизни: “влага прудов”, “полная река”, “озеро, полное чистой воды”, “в тени мерцающие воды”, “струятся омутные воды” и т.д. — Т.Д.

Поэт же всеми силами души устремляется к спасительной природе и нас переносит в благодатные места — в лес, где мы, слушая шум лесной, а в нем — жалобное пение ведьм и сказки бабушки, испытываем волшебное очарование прошлым, прекрасным и поэтическим. “Такovy на Руси леса достославные”.

“Родная деревня” — это проявление любви поэта самозабвенной, неизбывной к Николе, к малой родине, где проснулся в нем Дар великий. И каждый, наверное, вспоминает при этом свой дорогой для его сердца уголок.

“Цветы” — шемящая грусть о недолговечности и незащищенности красоты земной, и вслед за этим гимн “цветку” вечному, неувядаемому — вера в любовь и душу вечную. “Неувядаемый цветок!”

В стихотворении “По вечерам” ощущается дыхание прошлой жизни, навеивает оно раздумья о том, почему же эта “жизнь отликовала, отгоревала, отошла”. И как же тонко, изящно, верно и полно отразил Поэт суть всех разрушительных теорий, внедряемых в сознание народов под маской свободы!

“В святой обители природы” — это магия цельности и непостижимого совершенства. “Незабываемый покой”, “...много-много дум...”. О чем?

О том, что Русь вечна, но со временем меняется, как и все в жизни. Изменения эти рождают у чуткого поэта настроения осенние, предзимние...

И все-таки “...душе моей сойдет успокоенье...”. Успокоение сходит с высоких небес, т.е. душа способна принять дух высокий, который называют небесным, божественным. “После гроз” — значит, чистых и светлых, небес. “Немеркнущих” — неугасимых, вечно горящих. Какой подъем светлого духа, непобедимая вера в свет и в жизнь! Стада — символ мощи и полноты земной жизни. Душе “земная веет святость”, и, наконец, звенит и ликует в сердце как триумф, как гимн жизни — “И полная река несет небесный свет”! Эта короткая строка несет в себе неисчерпаемую глубину, символизируя полноту и озаренность жизни. Глубина и цельность мировосприятия!

Поэту часто недоставало друга настоящего, сравнимого с ним по духу. Тот, кто знает больше других, всегда одинок — эта старая истина знакома не по наслышке многим великим. Но вопреки утверждению Поэта, что “знаю эту радость лишь я один”, ее познали многие и многие почитатели его, он щедро поделился ею.

Есть “укромный край природы”, места тихие и благодатные, куда “волны мутные” не достигают. Почему же человек не стремится туда?

Нет, стремится! Одно из самых любимых рубцовских откровений — “Светлый покой”. От личности Поэта, от его поэтического мира исходит как раз такой светлый покой, объемлющий душу, “смелое очарование”, которое способно сделать “черного лебедя — белым!”.

В благодарность воздаёт поэт “земной красе почти молитвенным обрядом...”. Утром, когда “небесный купол, полный славы”, возносится все выше, “надежды, скрытые в душе, светло восходят в день цветущий”. Могут ли кого оставить равнодушным “говорящие уста нас окружающей природы”?

О “**Журавлях**” написано уже так много... Здесь всё — Красота, древняя и вечная, и горечь из-за оторванности человека от природы. Ощущаем в улетающих журавлях дух рубцовский. Погиб Поэт — “и вновь сиротеет душа и природа оттого, что... так никто уж не выразит их...”.

Рубцов придавал очень большое значение стихотворению “**Душа**”. В нем отражена его жизненная позиция: **без души не может быть поэта**.

“**Аленький цветочек**” — символ любви Поэта к своей маме, раннюю утрату которой он переживал всю жизнь и всю жизнь “любил и прятал” этот “цветок”.

Удивительно живой, чистый, звонкий образ **Природы!** — “Звенит, смеется как младенец”. “И смотрит солнышку вослед” — как верно и красиво! Поэт настойчиво проводит в жизнь свою мечту о единстве человека с мирозданием, вкладывает в созданный им чудесный природный образ грусть о роковом отрыве человека и грезы о возврате его: “И сладко, сладко ночью звездной ей снится дальний скрип телег...”.

Величественная картина грозы, выразительный образ рассылающего стрелы молний Перуна... После очистительной грозы мир становится светлее и прекрасней, жизнь — чище и полнее.

“Злые старухи”! Вот оно, “современное безбожие, соединенное с древним невежеством”, бездуховность. Но не они задают тон в жизни, не надо их слушать...

От этого Зла поэту хочется “плыть в неизвестность”. Как песня, зовущая вдаль, — “**На реке Сухоне**”.

И снова — радость, да такая ослепительная, что невольно зажмуриваешься, — “**Сентябрь**”! Легкая грусть в конце чуть смягчает сияние чувства, но в силу своей кратковременности праздник еще дороже.

Далее Рубцов осмысливает судьбы наиболее близких и любимых поэтов.

Лермонтов... Дух поэта пребывает в такой дали запредельной, что и во время дуэли сердце его “билося, как в дни обыденных тревог”.

Пушкин... Всего четыре строки, но как емко! Это и о себе... Рубцов не только отразил душу России, он ее высветлил, озарил.

Дмитрий Кедрин... Был любим и ценим Рубцовым. Не сразу мне открылось, почему Николай Михайлович выделял его из многих. Творческая зрелость Кедрина пришлась на годы войны. Тема патриотическая, одна из основных тем его поэзии, приветствовалась тогда как необ-

ходимая. Но Кедрин стал работать гораздо глубже, отошел от плоской повествовательности. И при очередном прочтении кедринских поэм ощутила: “здесь русский дух”! Кедрин вышел на качественно новый уровень в своем творчестве, уровень раскрытия сути русского народного духа, русской души. Поэзия при ее человечности стала к тому же и слишком русской! Не буду утверждать, что из-за этого его убили¹, нет доказательств. Но все-таки убили... “А за что?”.

Тютчев... Сын природы. У Рубцова здесь и тютчевские “блистает” и “блещет” как дань памяти поэту, с томиком стихов которого он не расставался никогда, стихи которого он часто не просто читал, а пел.

Сергей Есенин... Как верно, что грусть Есенина — не кабацкая. Это боль за Русь, за родную “потрясенную землю”.

Гоголь... Его творчество насыщено великой любовью к Отечеству, а проза пропитана поэзией, поэтому он оказался среди поэтов. Рубцов его очень хорошо знал, любил и часто, вспоминая Гоголя, приговаривал: “Как скучно жить на белом свете!”.

Невозможно расчленишь на части рубцовское гениальное “Горница”. Это раздумья о судьбе Родины, о судьбе поэзии...

Не покидая вечности, бесконечно глубоко погружаемся в “святость прежних лет”...

Поэт едет на родину, переживая осеннюю “ночь на перевозе”.

“Тихая моя родина”. “Захолонуло душу нежной болью и я изумленно оцепенел от чистоты речи, не обремененной красотою... От голой правды сиротства. От концовки, обжегшей меня, как молния...”², — вспоминает Александр Романов, которому посчастливилось услышать это откровение из уст Николая Михайловича.

Как могла появиться рубцовская “Пасха”? Этот праздник отмечали в Николе и в советскую пору, но не так, как встарь. Красили яйца, христосовались. Поэт уловил, что в народе “не горюют, что ты была”. Остался лишь красивый ритуал, корнями уходящий в седую старину, а христианское наполнение исчезло как нечто наносное.

Последнее, осеннее стихотворение этого сборника — прощальное, шемящее и грустное. Поэт, достигнув своей родины, обретая успокоение, поговорив с нами о любви и счастье, о Родине, о судьбах поэтов, прощается с нами...

¹ Дмитрий Борисович Кедрин (1907—1945). Родился в Донбассе. Публиковать начал в 1924 г. С 1931 г. жил в Москве. Написал поэмы “Конь”, “Ермак”, “Набег” и др. Его первый и единственный прижизненный сборник стихов — “Свидетели” (1940 г.). В 1943 году ушел добровольцем на фронт. Вернувшись в Москву в 1945 г., был убит неизвестными в пригородном поезде.

Трагическая смерть прервала жизнь горячо любившего Русь Поэта, оставившего потомкам замечательные слова:

Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того Солнца, чье имя — Россия! — Ред.

² А. Романов. Искры памяти. Воспоминания о Николае Рубцове. Вологда. 1994. с. 361.

Тридцать лет прошло со дня преждевременной смерти Великого Поэта. За свои тридцать пять им было сделано столько, что с лихвой хватило бы не на одну сотню людей. Продолжается его “жизнь после смерти”.

Очень важен факт включения поэзии Николая Рубцова в школьную программу, хотя и методика изучения его творчества, и количество учебных часов пока еще не соответствуют тому высокому месту, которое занимает его творчество в отечественной литературе. Но — начало положено!

“Слово его верное” находит читателя в условиях практически полного умолчания имени Рубцова со стороны СМИ, громко провозглашающих далекие от истинных ценности.

Книги Рубцова, издаваемые даже массовыми тиражами, быстро раскупаются, не залеживаясь в магазинах. Не залеживаются они и дома на книжных полках, а читаются и перечитываются. Стихи его легко и естественно укладываются в памяти, невольно звучат по тому или иному поводу. Живут его стихи, превращаются в песни, а некоторые из них считаются народными.

Навстречу обусловленному природой русского человека стремящемуся вверх потоку народной жизни направляется другой поток, грязный и разрушительный. Одна из его целей — уничтожение, предание забвению самобытной русской культуры, подмена ее псевдокультурой западного типа. Не желающие погружаться в мутные воды люди обращаются к своим самым светлым духовным ключам, одним из которых является Поэзия Николая Рубцова.

Поэт погиб, но Поэзия его, неиссякаемый родник с живой водой, Слово его Вещее — с нами. Зовет он нас к такой Жизни, что Человека достойна.

Гласит Поэт: “Мир — прекрасен! Прекрасна Жизнь.

Кто-то из нас еще и не живет даже, а как зверь в часы охоты, своих толкает братьев и сестер.

Мы — Русские!

Россия — Свет! Хотя сейчас она и погружена во мрак, это — как не-жизнь — преходяще. Россия вечна!

Мир — прекрасен...”

Вологда — С.-Петербург, 2000 г.